

ДАРЬЯ СИВАШЕНКОВА

Господь
мой
и Бог
мой
Евангельские
чтения

В ПОМОЩЬ ОТКРЫВШИМ ЕВАНГЕЛИЕ

Дарья Валерьевна Сивашенкова
Господь мой и Бог мой.
Евангельские чтения. В
помощь открывшим Евангелие
Серия «Блогосфера веры:
книги православных блогеров»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70076308

Господь мой и Бог мой. Евангельские чтения: в помощь открывшим

Евангелие: Эксмо; М.; 2024

ISBN 978-5-04-197080-2

Аннотация

«Господь мой и Бог мой» – сборник авторских размышлений над евангельскими текстами от Рождества до Вознесения. Эта книга станет надежным путеводителем для тех, кто совсем недавно открыл для себя Евангелие и хочет глубже изучить текст этого великого произведения. Автор книги не дает полный исторически-богословский анализ Евангелия или «перетолковывает» традиционные толкования, принятые Церковью. Это глубоко личный, местами очень эмоциональный, разговор о Спасителе.

Дарья Сивашенкова – теолог, публицист, блогер, автор многочисленных статей и эссе о Христе и христианстве в православных и светских изданиях и книги «Вот Иуда, предающий Меня».

Сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	6
Господь мой	12
Его характер	15
Красота	15
Доброта	17
Великодушие	20
Любовь	22
Любимое чудо	25
Прикосновения	27
Смех	30
Взгляд	32
Самоотверженность	34
Прощение	37
И слово стало плотью	38
Богородица	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Дарья Валерьевна
Сивашенкова
Господь мой и Бог
мой. Евангельские
чтения. В помощь
открывшим Евангелие**

© Сивашенкова Д.В., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Предисловие

Ради немощных не будем скрывать милосердия нашей веры.

Прп. Исаак Сирий

«Господь мой и Бог мой» – вторая книга Дарьи Сивашенковой, знакомой читателю по книге «Вот Иуда, предающий Меня». Это сборник зарисовок и очерков, посвященных размышлениям над евангельскими текстами: от Рождества до Вознесения.

«Ваше христианство слишком христоцентрично», – так однажды охарактеризовали ее тексты. И к ее новой книге это подходит как нельзя лучше: о каком бы событии евангельской истории, о каких бы ее участниках ни шла речь, в центре неизменно оказывается Христос: Его поступки, Его слова, но в первую очередь – Он Сам. Такой, каким Его встретили современники. Каким можем встретить Его и мы, открывая Евангелие – ведь Христос «вчера и днесь тот же».

В этой книге нет попытки дать полный исторически-богословский комментарий к Евангелию или «перетолковать» традиционные толкования, принятые Церковью. Нет претензии открыть «новую истину», опровергнув старые. Возможно, не хватает систематичности и спокойной отстраненности. Зато есть глубокое желание как можно лучше разглядеть Христа через многогранную призму евангельских героев и событий, «коснуться Его хитона», каждым словом сказать Ему: «Господь мой и Бог мой!» – и позвать читателя разделить эту радость Встречи.

Это в первую очередь разговор о Спасителе «от сердца к сердцу», откровенный и личный. Разговор о Том, о Ком хочется говорить, потому что интереснее и важнее этого нет ничего на свете.

Автор зовет читателя не просто прочитать – прожить евангельский текст, осознав его реальность вплоть до малейших подробностей, буквально увидеть и ощутить то, о чем он повествует. И это рождает в сердце живой отклик на давно знакомые строчки, которые даже после сотого прочтения вдруг цепляют как-то по-новому. Маленький, но яркий пример: *«И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась [водою]. А Он спал на корме на возглавии (Мк. 4:37–38).*

Вы представляете, как же Он устал? Как нужно было вымотаться, чтобы уснуть в такой шторм, когда волны перехлестывают через края, вымачивая одежду, когда ветер, когда качает, когда вокруг перекрикивается десяток мужчин, пытаясь что-то сделать...»

Рисуя «словесный портрет» Христа, автор говорит: Он добр! Он милосерден! Он любит тех, кого пришел спасти. Не надо Его бояться, Он – Спаситель.

В книге так много говорится о Его любви и доброте, что ее можно было бы назвать «книгой для отчаявшихся и изнемогших в пути».

Но не спешите упрекать автора в попытке превратить Христа в «доброе дядюшку», попускающего грехи: Он в книге вовсе не таков.

Просто там, где по-настоящему встречаешь Живого Бога, нет страха. Когда человек, будь то отшельник в пустыне или живущий в мегаполисе, опытно встречает Господа, то потом говорит, и кричит, и проповедует, как Бог милосерден. Говорит от опыта живой встречи, в которой опытно познаёт, что справедливость Божия как камень, а милосердие Его как гора, познаёт на себе принятие и прощение.

Апостолы, в начале своего пути желавшие низводить огонь на не принявших их, пережив опыт того, как они Им

приняты, готовы были нести эту Благую Весть до края вселенной и умирать за убивающих их.

Преподобный Исаак Сирийский писал, что мы обновились нашим умом в новом знании, которое не было открыто не знавшим Христа. У них было детское разумение о Боге, говорит преподобный: суровый, мститель, мздовоздаятель, праведный в Своем воздаянии, гневливый, яростный, припоминающий грехи отцов на детях детей. Мы же имеем взрослое мудрование о Боге: ведь мы знаем Его как оставляющего грехи, благого, смиренного. Того, Кто за одну лишь покаянную мысль оставляет грехи многих лет. И даже тех, кто умер во грехах, во множестве отсекает от их грехов через Свое милосердие.

Я бы сказал, что Дарья – это поэт Встречи. Поэт – тот, кто способен уловить момент и, сказав о моменте, сказать о вечности – вот как Дарья говорит о встрече со Христом. Многие люди томятся неясной тоской предвкушения этой встречи, а другие хранят память о ней как свою рану и как свое сокровище одновременно, как ту любовь, встретив которую, ты стал собой. И делятся этой памятью, как главной радостью своей жизни.

Этой радости нам сегодня не хватает. Во многом потому, что ее Источник, Тот, Кто является центром и смыслом хри-

стианской веры, слишком часто оказывается скрыт от наших глаз многовековыми наслоениями.

И как важно снова и снова открывать для себя евангельский текст, убирая с глаз пелену привычки и «замыливания».

В заключение скажу, что с этой книгой можно соглашаться или спорить, ей можно возражать, ее можно даже отложить, чтобы самостоятельно подумать и перечитать Евангелие, и все равно ее цель будет достигнута – читатель задумается о Христе. Задумается и, возможно, взглянет на Него свежим взглядом, по-новому залюбуется Его светом. Или, – дай-то Бог! – впервые по-настоящему пожелает той самой Встречи.

*Иеросхимонах Клеона, монастырь Петрас Катафигиу,
Греция*

Я глубоко благодарна за неоценимую помощь в подготовке книги моим редакторам: Наталье Холмогоровой и Евгении Тепловой, а также Алене Самохиной и Анне Яцко.

Дарья Сивашенкова

Господь мой

«Господь» – очень личное, трепетное и глубокое обращение к Нему. Это свидетельство сложившихся с Ним отношений, близости, краткое исповедание: я – Твой.

Ты мой Господь, и я Твой – это готовность доверять Ему безоговорочно, готовность выбрать Его волю, а не свою. Это отношения такого подчинения, в которые страшно, и опасно, и нельзя входить с людьми, но радостно и спокойно – с Христом, потому что Он никогда не злоупотребит властью над нами, не унизит и не использует нас.

«Господь мой» – это краткая клятва верности в двух словах.

Ветхий Завет хорошо подчеркивает разницу между синонимичными для нас словами «Господь» и «Бог». *«Блажен народ, у которого Господь есть Бог...» (Пс. 32:12).* «Господом» может быть и языческий бог, но блажен Израиль, называющий так Творца неба и земли, Единственного. Бог становится Господом не «автоматически», не для всех, а лишь

для тех, кто исповедует Его.

Назвать Иисуса Господом – значит не просто признать Его Божественный статус. Это значит признать Его руку и склонить под нее голову. «Кроме Тебя иного не знаем, имя Твое именуем».

И, в отличие от иерархичных отношений с людьми, такие отношения с Христом полны любви. Его власть не поработывает, а освобождает доверившихся Ему. Он не рабовладелец, а Защитник и даже Гарант нашей свободы.

«Господь мой» – это признание в любви, потому что любовь покоряет нас Ему.

«Я и Отец – одно»: какое потрясающее, какое удивительное чувство, когда Бог говорит: «Я – такой, это – Я». Великодушный и благородный, сострадательный и решительный, сильный и добрый, любящий и спасающий: каков Иисус в Евангелии, таков и Отец, Они – одно.

Как хорошо, что есть Тот, к чьим ногам можно положить все, и Он не будет недостоин ни одного дара. Можно все Ему отдать – и ни на миг не разочароваться.

Он Бог и Человек, Он нас любит безбрежно и всецело.

Все прекрасные слова малы для Него, и нет ни одного слова, для которого был бы мал Он Сам.

Говори о Нем сколько хочешь – не исчерпаешься, источник не иссякнет; называй самыми прекрасными именами –

и никогда не преувеличишь.

Его характер

Красота

Христос прекрасен.

От Него невозможно оторвать взгляд. Его красота совершенна и притягательна для человеческих глаз. Каждый находит в ней нечто свое, необходимое душе.

Когда думаешь о Его красоте, то осознаешь, как мало и скудно это понятие в нашей обыденной жизни. «Красотой» мы чаще всего называем миловидность или смазливость черт, ласкающую взгляд.

Но в Нем, как сказано в Писании, нет «ни вида, ни величия», то есть броской и сногшибательной внешности, которая заслоняла бы, если можно так выразиться, Его Самого.

Возможно, так будет в Антихристе: сама его внешность будет прекрасным идолом. Она будет притягательна для человеческих глаз, но он сам укроется за ней, как за маской.

Антихриста можно будет помещать на обложке модного журнала; но это глянec, привлекательный обман.

А Христос красив Своей подлинностью, красив *поистине*. Его красота – Его правдивый образ, то, каков Он и Кто Он на самом деле.

Такая красота открывает, какой Он, а не заслоняет исти-

ну.

А Он таков, что глаз не отвести, вечность смотреть и не насмотреться.

Его Красоту не может передать самая гениальная кисть. Ее невозможно уловить человеческой рукой и заставить замереть на полотне, подчиняясь желанию живописца. Она не нуждается в приукрашивании, в каких-то приемах, уловках, акцентировании, подчеркивании – она просто есть – и это настоящее, самое настоящее, что только может быть.

Его глаза прекрасны, потому что в них внимание, сострадание и любовь, а внимание, сострадание и любовь и есть подлинная красота. Прядь волос, упавшая вдоль Его лица, прекрасна, потому что упала, когда Он с жалостью склонился к плачущему у Его ног человеку. Прекрасны губы, которые никогда не скривятся брезгливо, не изогнутся в презрительной усмешке.

Любая Его икона – символ и намек, указание на Него, но не Он Сам. Икона – это смирение человека перед красотой, воплотившейся в Боге, но неподвластной человеческой руке.

Только Он Сам может быть Своим образом всецело.

Любой портрет приестся, а Он не приестся никогда: каждый миг будешь видеть в Нем нечто новое и прекрасное, отраженное в Его глазах, в спокойных губах, в чертах простых и благородных.

Доброта

Христос добрый.

Евангелие постоянно рассказывает нам об этом – и прямо, и рисуя картины того, как тянутся к Нему люди. В Его доброте удивительное обаяние, почти неодолимая притягательность.

К Нему хотят прикоснуться (*Мк. 3:9, Мф. 14:36, Мк. 10:13 и т. д.*), народ при Нем «неотступно» (*Лк. 19:48*), а в буквальном переводе – попросту «висит на Нем», как дети на любимом и любящем отце, чего не было никогда, ни с одним пророком.

Коснись нас, дай коснуться Тебя! – и Он не отказывает никому; уповать на Его милость может и нарушитель закона (*Мк. 1:40, Лк. 8:43–48*), и иноверка (*Мф. 15:22–28*), и оккупант (*Мф. 8:5–13*), и никто не уйдет отверженным.

Евангелие не зря это подчеркивает.

Это косвенное свидетельство того, что Он не просто пророк Божий. В таком случае Его личный характер был бы не очень важен: главное – чтоб говорил верно, а добрый Он или не очень, не имеет отношения к делу.

Нет, очень важно знать, каков Он Сам. И на что мы можем уповать и полагаться в наших отношениях с Ним.

О Своей доброте Он и Сам говорит прямым текстом: «... или глаз твой завистлив оттого, что я добр?», – возражая в

притче желающим «справедливого» раздела заработка (*Мф. 20:15*).

Доброта – в готовности дать без счета и меры: *«Я пришел, чтоб имели жизнь и имели с избытком»*, соотносясь не с тем, чего мы заслужили по нашим делам, а только с собственным желанием дарить и дарить.

Некоторых это даже смущает: в Его доброте видят нечто недолжное, обольстительное. *«И много толков было о Нем в народе: одни говорили, что Он добр; а другие говорили: нет, но обольщает народ»* (*Ин. 7:12*).

В глазах суровых ревнителей доброта всегда сомнительна. Уж не попустительство ли это, спрашивают они. Не слабость ли, распускающая людей позволением грешить и не бояться? Не слюнявое ли беззубое бессилие перед силой зла? Не сентиментальность ли, ахающая и проливающая умиленные слезы над красотостью, но лояльная к подлинному злу? Лучше что-нибудь погрознее да посуровее...

Христос отвечает на это: нет. И позволяет радоваться Своей доброте.

Он добрый, и это простое слово – основа основ, как хлеб и вино. В этом – Его суть.

Это вовсе не синоним слабости, сентиментальности и попустительства, потому что Он заведомо не слаб, не сентиментален и не попустительствует. Его отношение ко греху мы прекрасно знаем: умиляться и потакать ему Христос не станет.

Это залог защиты, безопасности и неунижения, внимания к каждому, терпеливой доброжелательности. Залог, что каждый будет услышан и выслушан, не отвержен и не выставлен Им на позор, что любое доброе свидетельство о нас будет найдено Им и принято.

Залог, что Он ищет спасти каждого, а не погубить.

Свидетельство Его любви.

Ничем не обусловленная и не заработанная, Его доброта трогает очень глубоко, обращая к Нему самое грешное сердце, которое верой, покаянием и любовью отзывается на нечаянную милость.

Доброта позволяет ввериться Ему без страха. С полным доверием принять из Его рук все, что угодно: все от Него ко благу, ни от чего не нужно отказываться. Он лучше знает, что мне нужно и как сделать нас ближе друг к другу.

Он добр, и к Его ногам хочется положить меч и сесть там же, у Его ног, без угроз и принуждений.

Не от страха, а от желания коснуться этой доброты, быть ей сопричастным, служить ей не за страх, а за совесть и любовь.

Великодушие

Христос великодушен.

Есть приемы, которыми Он никогда не пользуется. В частности, Его орудиями никогда не будут отчаяние и унижение человека.

Никогда.

Ни разу во всем Евангелии вы не найдете примера, чтобы Христос силой поставил кого-то на колени, принизил, взял в заложники чувством вины или даже благодарности, под которой в таком случае где-то глубоко скрывалась бы та же вина.

Он исцеляет десять прокаженных, поблагодарить возвращается лишь один. «А где же еще девять?» – спрашивает Он, но это и все: даже от неблагодарных не отнята милость, они здоровы.

Христос благороден и великодушен, Он – освободитель.

Он сильный, но Его рука всегда ласкова, когда касается человека. Он говорит не снисходительно, а с любовью. Все, что у Него есть, Он отдает нам и для нас и делает это не для того, чтобы вогнать нас в неизбывный долг.

Просто не было другого пути освободить нас. Но всю цену Он платит Сам и взыскивать с нас ничего не хочет.

Христос – Воин, Который из любви бьется до крови и до смерти за каждую душу, отбивает ее у ада, освобождает, сни-

мает цепи и перевязывает раны. Бьется и будет биться всегда, за каждого, как за единственного; и не для того, чтоб Своей победой поработить, подчинить и заставить Себе служить.

Живите – Я прикрою. И будьте свободны, Я – оплот и защитник вашей свободы.

Христианство – это победа без злорадства и мстительного торжества над побежденным.

Христос побеждает смерть, но не глумится над ней.

Побеждает дьявола – но не высмеивает его.

Побеждает всех Своих врагов, но не выставляет их на публичный позор и не призывает издеваться над ними.

Издевки, насмешки, злорадство при победе – признак твоей слабости и косвенное признание страха перед врагом. Он проиграл, не ему, а тебе: это стоит отпраздновать, хорошенько его унизив!.. Но истинная победа сильного благородна и ненасмешлива. Христу нет нужды возвеличивать Себя, наступая на побежденного. Он побеждает не везением.

И нет Его в победе, отравленной мстительной радостью и издевкой над побежденным.

Христианство – победа, но ее радость не в чужом поражении, ее цель – не в падении врага.

И с приходом Христа не проиграл ни один человек. Ни Ирод, ни Каиафа, никто. Потому что и ради них тоже воплотился предвечный Бог.

Любовь

Христианин знает: его Бог спустился за ним в ад.

И больше нет пропасти, в которой мы остаемся наедине с виной и болью, без Бога. Даже во грехе мы любимы – и в этом наша надежда и уверенность: Бог любит нас, и ни в единый миг нашего бытия не брезгует нами, не перестает любить.

Его любовь не зависит от наших деяний: можно разжать судорожно сжатые руки, можно перестать бояться и цепляться за Него из страха – и Он не пропадет, не исчезнет, не покинет, потому что это не мы Его удерживаем, а Он нас.

Не все зависит от нас! Не все рушится и ломается, когда рушимся и ломаемся мы. Не все пропало, если все пропало.

Не все на наших плечах.

Мы можем быть виноваты – но не будем брошены.

Его любви можно ввериться. Она удержит, когда мы упадем, подхватит, когда иссякнут наши силы.

Даже в самом страшном грехе она будет хранить нас для покаяния.

Каким бы тяжким ни было падение – лишь обратитесь к Богу и живы будете, без «карантина» нелюбимости.

Лишь обратитесь.

Мы любимы в ошибках и косяках ничуть не меньше, чем в сиянии праведности. Именно поэтому можно раскрывать Ему душу, не боясь получить хлыстом по ране.

Можно прислушиваться к Нему, не страшись стореть от стыда.

Это абсолютная, безусловная Любовь, в которой единственной нет места страху, потому что любой страх – в истоке своем страх смерти. А страх смерти – это страх потерять ту любовь, которая есть источник бытия.

Мы боимся утратить любовь; дети боятся утратить любовь родителей, без которой они не выживут. Это заложено в нас очень глубоко, даже не в инстинктах – еще глубже: любовь источник нашего бытия, без любви нас не будет, любовь и жизнь – одно.

Но любая земная любовь – лишь отражение.

А Его Любовь и есть жизнь и дарение жизни. То, чем возникает, движется и существует каждое Его творение.

Господь любит нас не за добрые дела, не за веру, не за улыбки или слезы, не за сердце и не за душу. Наоборот: Он любит – и в свете и тепле этой любви мы можем верить, творить добро, смеяться, плакать, быть горячим сердцем и живой душой.

Все рождается из Его любви, она же не имеет ни начала, ни конца.

Бог любит каждого как единственного. Его любовь совершенна, она не ослабевает от наших грехов и не усилится от нашей добродетели. Если мы падем сто или даже тысячу раз – Он не перестанет нас любить; а если вдруг «станем лучше»

и «заслужим», не начнет любить заново.

Вся Его любовь и так наша.

Тебе не нужно делаться лучше других, чтоб заслужить дефицитную любовь, которой всем не хватит. Идя к Богу, не надо никого расталкивать локтями.

Но ты делаешься лучше на пути к Нему, по мере сближения с Ним.

Не сближение с Ним зависит от твоей добродетели, а все доброе в тебе рождается от Его близости.

Ответь любовью на Любовь, и Он украсит тебя всякой добродетелью, как любящий жених украшает невесту. Невеста получает драгоценности от жениха, а не приходит к нему в бриллиантах, чтоб заслужить ими его любовь.

Его любовь не условна.

Христос не говорит Закхею: сперва покайся и возмести ущерб, потом Я приду к тебе ужинать.

Не говорит обвиненной в прелюбодеянии: сперва покайся, потом Я защищу тебя.

Не говорит язычнику: сначала обратись и покайся, потом уже подходи ко Мне с просьбой.

Он не требует, чтоб человек в отчаянии и нужде покупал Его милость и сначала сделался лучше, а уж потом подходил и чего-то просил.

Любимое чудо

Судя по Евангелию, у Христа было любимое чудо, и это чудо исцеления. Да, были и другие: и море утишал, и по воде ходил, и двумя рыбками пять тысяч человек кормил. Много всего. Но любимое – исцеление. Успокоение моря боли, затягивание ран, очищение от телесной нечистоты.

Дать. Помочь. Чтоб не было больно, чтоб не было безнадежно. Когда Он рядом – Ему невыносима человеческая безнадежность.

Если же взглянуть чуть шире, то основное, чем занят в Евангелии Христос, – восстановление.

Разрушенное собирается под Его руками, обретая целостность. Он восстанавливает все: тело и душу, человеческое достоинство и надежду, даже самую жизнь, распавшуюся в смерти. То, что без Него было растоптано в прах и осколки, Он поднимает и бережно складывает. Проводит рукой, и не остается шрамов: человек жив, здоров и целостен во всех смыслах, больше не болен, не безумен, не унижен, не отвержен. Не мертв.

Иисус воссоздает испорченное и изувеченное с огромной любовью и терпением. И огромным состраданием к тому, кто несет в себе разбитость – телесную ли, душевную, иную.

Он пришел не требовать, чтоб человек взял себя в руки и сам быстренько восстановился, не дать инструкции по са-

мо спасению и самолечению – пришел, чтобы Сам, Своими руками, Своим словом, коснуться и исцелить.

Прикосновения

Иисус, если можно так выразиться, необычайно тактилен.

В Евангелии десятки стихов, рассказывающих о том, как Он касается людей. За редчайшими исключениями без этого не обходится ни одно исцеление.

Хотя Ему достаточно слова, да что там слова – мысли, но у Него буквально руки тянутся коснуться, чтобы этим прикосновением воплотить в человеке милость Божию. Коснуться, потому что мы всегда стремимся прикоснуться к тем, кого любим, к кому расположены всецело. В ком участвуем.

Прикоснуться. «Я с тобой».

Он Сам – прикосновение милосердия. Всегда.

При захождении же солнца все, имевшие больных различными болезнями, приводили их к Нему и Он, возлагая на каждого из них руки, исцелял их. (Лк. 4:40).

Но и без этого: Он обнимает, берет за руку и помогает подняться с земли и со смертного одра, Он касается, ободряя, учеников на Фаворе.

Бог прикасается к человеку, чтоб исцелить, чтоб утешить и ободрить, благословить, или просто с отеческой лаской, «низачем», по любви, по – не будь это Иисус, я бы сказала «безотчетному» – желанию привлечь к Себе.

Евангелие не зря так настойчиво в этой подробности.

Мне кажется, это важно вот еще в каком смысле.

Иисус Собою решительно отменяет и преодолевает естественный человеческий страх коснуться сакрального. Разрушает одинаковый для всех религий барьер, запрещающий нечистому касаться чистого. Сама Чистота касается теперь всякого человека, и человек доверчиво тянет руки навстречу. Больше нет страха, что Чистота будет замарана нечистотой, что святость оскорбится и накажет за недостойное касание. Болен ты, нечист с человеческой точки зрения – все равно не бойся, иди к Нему.

И это не просто позволение – это Его желание: коснуться, обнять, приласкать. Порой – просто так.

Есть только одна категория «болящих», которых Иисус исцеляет без прикосновения или касаясь не сразу.

Это бесноватые.

С ними Он говорит всегда только голосом. Пока нечистый дух в человеке, Иисус не касается этого человека – по крайней мере, Евангелие, описывая «индивидуальные» изгнания бесов, никогда не говорит о прикосновениях.

Почему? Брезгует ли Иисус бесноватым человеком? Конечно, нет. Брезгует ли Он бесами, как нормальный человек брезгует тараканами? Полагаю, что тоже нет: в конце концов, это тоже Его творения – вывернутые наизнанку, потерявшие облик, потерявшие все, и участь их незавидна.

Не рискну прямо сказать, что Он питает к ним жалость, но

мы знаем, что единственную произнесенную бесами просьбу Он не отверг.

Так почему?

У меня нет однозначного ответа на этот вопрос, но, возможно, дело вот в чем. Бесноватость – не просто использование человека как футляра для бесов. Это теснейшее переплетение человеческого и бесовского, до степени смешения.

Бесы все время скулят «не мучай нас», хотя мы видим, что Он ничего плохого им не делает. Но им тяжело и мучительно даже видеть и чувствовать Его рядом, что уж говорить про прикосновение – оно было бы хуже удара молнии, мгновенное испепеление.

Но, видимо, то, что почувствовал бы бес, почувствовал бы и одержимый им человек. И что случилось бы тогда с человеком, с его телом, сознанием, душой, которые слиты с бесом... Непредставимо. Возможно, и несовместимо с человеческой жизнью.

Иисус щадит и бережет человека, поэтому сперва изгоняет бесов: строгим приказом или позволением уйти.

А потом... потом бывший гадаринский бесноватый сидит у Его ног, и уж наверняка касается Его, и Он протягивает руку, помогая встать упавшему на землю ребенку.

Смех

(Лук. 6:25). «Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете.

Запрещают ли эти слова всякую радость в земной жизни? Неужели Богу так отвратителен наш смех, что за него мы непременно будем наказаны, а Сам Господь никогда не осквернял смехом Свои пречистые уста? И как совместить табу на смех с призывом «всегда радуйтесь»?

Со смехом у Писания сложные отношения.

В ВЗ упоминание смеха практически везде связано не с радостью, а с надменностью, презрением, злорадством (например: *«За то и я посмеюсь вашей погибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас»* (Прит. 1:26).

В лучшем случае – с недоверием: смеется Сарра, когда Господь ей обещает, что она в преклонных годах родит ребенка.

Один раз смех противопоставляется слезам – у Екклезиаста. Но во всех остальных случаях ветхозаветный смех – не эмоция чистой светлой радости, не реакция на нечто забавное: это о победительном превозношении, о злорадстве, о насмешке и глумлении.

Смеяться и насмехаться было синонимами.

Отсюда и уверения, что Христос никогда не смеялся. Еще

бы! Смех для человека той эпохи означал не радость и веселье: в нем было нечто мрачное, зловещее. Поэтому утверждение «Христос не смеялся!» не отказ Ему в радости, а отрицание в Христе недобрых чувств. Христос не смеялся – значит, не насмеялся над людьми, не радовался их горю.

Это уже потом, когда смех в нашей культуре радикально «поменял знак» и стал символом не злорадства, а беззлобного веселья, мысль «Христос не смеялся» начала восприниматься как утверждение об Его «угрюмости». Хотя стоило бы просто дать более соответствующую нашему нынешнему восприятию формулировку: Христос не насмеялся.

Но это о культурном образе, о фигуре речи. А сам смех, как живая эмоция веселья и радости, конечно, существовал и в те времена; и наверняка слушатели Христа смеялись Его остроумным репликам и ответам, и Сам Он смеялся... но это обозначалось словом «радость».

Говоря «горе вам, смеющиеся ныне», Христос имеет в виду именно недобрый и темный, «ветхозаветный» смысл смеха. Его слова – обличение не радости, а злорадства.

Радость Он благословляет, и проявления радости тоже. В том числе смех; тем более это самое «детское» выражение радости, и едва ли возможно «быть как дети», не смеясь.

Но горе тем, кто смеется со злорадством и глумлением, горе смеху без любви, он – к слезам.

Взгляд

...и глаза всех в синагоге были устремлены на Него». (Лук. 4:20).

Только для одного Человека слова «смотреть» и «видеть» синонимичны. Только для Христа. Он Один смотрит и видит, без малейшего искажения, то, что есть. И дело не только в том, что Ему, как Богу, открыты помышления всех сердец, – еще и в том, что Он не ищет Своего.

Именно это «искание своего» в нашем взгляде искажает картинку. Мы смотрим на других людей – и ищем в них свое, в нас есть невольная предвзятость, которая мешает видеть стоящего перед нами человека.

А в Иисусе никакой предвзятости нет. Христос смотрит на человека и видит его самого, во всей полноте. Когда Он смотрит на нас – видит именно нас, такими, как есть. Со всей чехардой и хаосом наших внутренних переплетений, с противоречивыми, рвущими нас на части желаниями, которые мы не все и осознаем. Видит на ту неосознанную глубину, на которую мы никогда не сходим: и сознание, и подсознание наше не скрыто перед Ним.

Он действительно видит нас.

И это не равнодушный взгляд, лишь сообщающий Ему информацию, не неодобительно-оценивающий и судящий. Это взгляд спокойный и любящий, ищущий нам добра. Под

него не страшно попасть, наоборот, ему хочется открыться и довериться. Хочется, чтоб Он смотрел и видел, потому что в Его взгляде мы живые. Он видит – значит, я есть.

Мне кажется, в Царствии Небесном мы будем радоваться тому, что Христос смотрит на нас и видит нас. Сам Его взгляд будет источником радости. Радоваться Ему и есть Царствие.

И под Его взглядом мы будем тянуться к Нему, буквально виснуть на Нем, как дети на любящем и любимом отце без всякого страха. Как грозди винограда на лозе.

Самоотверженность

И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась [водою].

А Он спал на корме на возглавии. Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?

И, встав, Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина.

И сказал им: что вы так боязливы? Как у вас нет веры?

И убоялись страхом великим и говорили между собою: кто же Сей, что и ветер, и море повинуются Ему?» (Мк. 4:37–41).

Вы представляете, как Он устал? Как нужно было вымотаться, чтобы уснуть в такой шторм, когда волны перехлестывают через края, вымачивая одежду, когда ветер, когда качает, когда вокруг перекрикивается десяток мужчин, пытаясь что-то сделать... А Он просто положил руки на борт, голову на них опустил и спал, от усталости ничего не чувствуя и не слыша.

Как же Он устал... Как же Он всегда отдает всего Себя, ни капли Себя не жалея, ничего Себе не оставляя, чтобы потом уснуть крепким сном посреди бушующего моря, в заливаемой водой лодке. Предельное человеческое изнеможение.

Ничего Себе, ничего. Даже сон, и тот урывками.

Они Его будят от ужаса и отчаяния, и еще немного с досады о Его покое перед лицом их страха. К кому же еще, как не к Нему – пусть и неожиданным для них оказалось то, что Он действительно может помочь! Но какая невозможная разница между этой человеческой суетой и коротким покоем Его усталого сна.

Благодаря Кресту не стало ни пустоты молитвы, ни пустоты смерти: теперь во всем Христос. Можно добавить: нет больше и пустоты усталости, в ней – тоже Он.

Наша усталость, как бы ни была велика, целиком и полностью воспринята и разделена Им. Он познал, что это такое – когда совсем нет сил, а твой путь требует всего тебя, и никакого отдыха впереди.

Когда совсем нет сил, то смотришь на Него, спящего в лодке, мысленно припадаешь головой к Его коленям и... нет, не становится меньше усталость, не расцветает путь розами, нет, другое... просто ты не одинок. Просто можно вынести все, если Он рядом.

Если ты с Ним в одной лодке.

Но при такой самоотдаче Христос всегда находит время, чтоб уединиться для молитвы. Или побыть в кругу ближайших учеников. Есть время, которое Он посвящает отдыху и восстановлению. Он определенно не считает это время отобранном у больных и нуждающихся; и уж конечно, никому в голову не придет упрекнуть Христа в эгоизме. В первую

очередь, Ему Самому не придет.

Он все делает правильно.

Три года Своего служения Иисус очень устает, до предела человеческих возможностей. Он спит урывками. Никому не отказывает в помощи – но и не позволяет потоку страждущих подмять Его под себя и подчинить себе.

Он пришел послужить, но не лечь ковриком под ноги.

Сколько бы в нас ни было сил, мир вокруг никогда не скажет: «Хватит, мне довольно, иди отдыхай». Это решение, которое надо принять самому.

Даже Он нуждался в том, чтоб побыть в тишине и восстановить силы.

Не надо пытаться быть сильнее Его.

Прощение

Прощать друг другу обиды нас учит Христос – и, как обычно, учит Собой. *«Научитесь от Меня...»*

Подвиг человеческого прощения Он совершает в первую очередь Сам, как Бог и как Человек.

Христос взял на Себя бремя всякого греха, чтобы простить всякий грех. Чтобы никто не сказал, стыдясь и отчаяваясь: я так оскорбил Господа моего, что не стою прощения.

Нет. В какую бы бездну ни пала душа – Он уже исчерпал Собой и эту бездну. В каком бы аду ты ни очнулся, раскаиваясь – Он рядом. Он всегда рядом.

И прощает Он не так, как «прощает» властный и надменный господин, который пинает с брезгливостью стоящего на коленях виноватого раба и цедит сквозь зубы: «С глаз уйди».

И не так, чтобы выторговать за Свое прощение великие дары, жертвы и славословия.

И не так, чтобы попрекнуть: мол, гореть бы тебе в аду без Меня, но ладно уж... живи.

А так, чтобы Своим прощением еще до раскаяния прикрыть человека от справедливого наказания, дать ему шанс опомниться – и ввести в Свою радость раскаявшегося, щедро даря ему и милость, и покой, и любовь.

И слово стало плотью

До какой же степени мы любимы, до какой степени желанны, что ради нас Всесильный становится беспомощным, Беспредельный – слабым, Бессмертный – смертным.

Все отдал, ничего не пожалел, ничего для Себя не оставил, чтобы воспринять нашу рану, нашу боль, нашу слабость и исцелить, наполнив Своей жизнью, Своей силой, всем Собой, без остатка...

Богородица

В нашем предании имя Пречистой связано со множеством прекрасных благочестивых легенд. Это понятно: Она наша жемчужина, наша радость, наша любовь. Но мне почему-то ближе безыскусность евангельских строк о ней.

Образ простой кроткой девочки, чья жизнь не была с самого рождения окружена чудесами и знаменами. Той, что от чистого и безыскусного сердца, не привычного к чудесам, сказала Богу свое «да». Той, что жила не как хрупкая фарфоровая кукла, в вате, окруженная и подстрахованная со всех сторон чем-то дивным, а как все; но была – не как все... Со всем юной Матери, Которая росла и выросла вместе со своим Сыном.

«Громкие» чудеса вокруг Ее жизни, такой неприметной по Евангелию, красивы и звучны, но... но, может быть, слишком ярки для Нее – такой тихой, светлой и скромной. А зримое попечение ангелов чуть ли не от рождения словно затмевает подвиг Ее доверчивого человеческого «да».

Рождение Пречистой такое же настоящее, живое событие, как и события нашей нынешней жизни. Не миф, не благочестивая, но искусственная легенда, не благоуханный вымысел – то, что действительно произошло. Она в самом деле родилась. Это точно такая же реальность, как и сегодняшний день. Пусть разнесенная с нами по времени, но предельно

нужная и близкая нам.

В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.